

Якимов Петр Анатольевич

РЕЛИГИОЗНАЯ КАРТИНА МИРА VS ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

В статье рассматривается вопрос соотношения религиозной и поэтической картин мира. Анализируя индивидуально-авторские воплощения представлений о Боге в поэзии Д. Мережковского, автор статьи приходит к выводу о том, что оно детерминировано конкретными намерениями и установками, творческим замыслом, мировоззрением поэта, ценностными и другими ориентирами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/62.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 216-219. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, отдельное письмо может характеризоваться разнообразным набором интенций, которые присутствуют в письмах других типов. Но такой набор является маргинальным для определения типа письма в связи с интенциональным подходом. Тип письма, исходя из результатов нашего исследования, конкретизируется в ходе установления главной интенции, которая, в общем, является мотивом для написания письма и заключается в коммуникативной цели адресанта. Деловые письма, несмотря на то, что их интенциональная структура многогранна, всегда имеют четко выраженное назначение – фиксирование действительности и оценивание ее как объективной или ожидание реакции, конкретных действий от коммуникативного партнера. И очевидно, что выявление главной коммуникативной интенции в письме связано с непосредственным эффектом, на который оно рассчитано. Отсюда типология деловых писем строится на основе главной, «целевой» коммуникативной интенции и общего интенционального анализа переписки как побочного метода описания характеристик письменной коммуникации.

Список литературы

1. Кирсанова М. В., Анодина Н. Н., Аксенов Ю. М. Деловая переписка: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2006. 136 с.
2. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
3. Лосев А. Ф. Аристотель и поздняя классика. История античной эстетики: в 8-ми т. М.: Искусство, 1975. Т. IV. 672 с.
4. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История психологии. М.: РГГУ, 1994. 448 с.
5. Психоллингвистика / под ред. Т. Н. Ушаковой. М.: ПЕР СЭ, 2006. 416 с.
6. Серль Дж. Природа Интенциональных состояний // Философия, логика, язык / сост. и предисл. В. В. Петрова; общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 96-126.

**THE INTENTIONAL APPROACH TO THE CLASSIFICATION
OF BUSINESS LETTERS IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

El'-Amari Ol'ga Nikolaevna
Higher Institute of Languages, Tunis
helemina@mail.ru

The article deals with the business correspondence as the practice of linguistic expression of communicative purposes and intentions in the Russian language and of ensuring the business interaction. The author grounds the possibility of the use of the intentional approach to the classification of business letters, and in this connection suggests the qualification of intentions. The varieties of intentions are identified depending on the orientation on the object of written communication, namely on different situation of the participants of correspondence, the situation of the real and potential interaction.

Key words and phrases: business correspondence; written communication; communicative intention; intentionality; addresser; addressee.

УДК 82:37(045)

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос соотношения религиозной и поэтической картин мира. Анализируя индивидуально-авторские воплощения представлений о Боге в поэзии Д. Мережковского, автор статьи приходит к выводу о том, что оно детерминировано конкретными намерениями и установками, творческим замыслом, мировоззрением поэта, ценностными и другими ориентирами.

Ключевые слова и фразы: религиозная картина мира; поэтическая картина мира; индивидуально-авторские представления; концепт Бог; поэзия Д. С. Мережковского.

Якимов Петр Анатольевич, к. пед. н., доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
pyakimov@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ КАРТИНА МИРА VS ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА[®]

Картина мира, отраженная в сознании человека, в соответствии с современными представлениями есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Картина мира формируется постепенно и на каждом этапе своего формирования имеет относительно законченную форму.

В современной науке картина мира, с одной стороны, рассматривается как исторически перспективное явление, формируемое от начальной точки познания (мифологической, наивной) до научной точки познания (например, состояние науки на рубеже XX-XXI вв.), а с другой, – как совокупность всех знаний (или знаний в конкретной области) о мире, выработанных на данном этапе развития человеческого общества. Следовательно, религиозная картина мира есть один из этапов становления современной научной картины мира, который детерминирован уровнем сознания и мировидения всего общества, а также система наиболее общих религиозных представлений о мире общества или отдельного человека.

Как и любая другая, религиозная картина мира представляется обобщенной системой, существующей в коллективном сознании, которая способна в индивидуальном сознании редуцироваться или интерпретироваться, поскольку картина мира «не есть зеркальное отражение мира и не “открытое окно” в мир, а именно картина, т.е. интерпретация, акт миропонимания, она зависима от призмы, через которую совершается мировидение» [5, с. 33].

Общеизвестно, что религия – это совокупность представлений, которые передаются следующим поколениям посредством традиций или книг, признанных божественными и заключающих в себе предмет верования. Исходя из этого, определим, что религиозная картина мира передается по традиции или наследуется с божественными книгами. Однако религиозная картина мира не просто включает отраженные в сознании элементы (переданные по традиции и т.д.), но и позицию отражающего субъекта (индивида – в онтогенезе, социума – в филогенезе), его отношение к отражаемому. При этом позиция субъекта является такой же реальностью, как и отражаемые объекты. Следовательно, картина мира может достраиваться благодаря способности ума в сознании ее субъекта (отдельного индивида или социальной группы).

Это позволяет рассматривать религиозную картину мира как явление, имеющее двойственную природу. С одной стороны, если рассматривать религиозную картину как нечто, передаваемое по традиции, наследуемое с божественными книгами, то она представляет собой явление статичное, неизменное. С этих позиций, например, мы можем рассматривать православную или иудейскую картины мира, которые однажды сформировались и передаются из поколения в поколение посредством соответственно православного и иудейского вероучений.

В сознании отдельной личности религиозная картина мира – явление динамичное: она постоянно корректируется, дополняется, уточняется по мере накопления опыта и знаний. Ее основу могут составлять представления о религии или религиозные представления. Так, например, представления о религии могут преобразоваться в религиозные представления, основу которых составляют не знания о религии как объекте познания, а знание религии, сквозь призму которой будет происходить познание. В сознании каждого человека, обладающего определенным уровнем религиозности, будет свой уникальный набор представлений о религии и религиозных представлений, качественный и количественный состав которых будет зависеть, что доказано психологами, от личного опыта человека, от особенностей развития его психических процессов (прежде всего познавательной активности), круга общения, эмоциональных реакций и т.п.

Поскольку в поэтическом тексте (в отличие от прозаического [1; 6]) большую роль играет личность автора (лирическое «я»), в воплощении религиозной картины мира определяющую роль играют индивидуально-авторские религиозные представления автора (или представления автора о религии). Субъективность может быть связана и с тем, что воплощение в тексте тех или иных фрагментов религиозной картины мира детерминировано конкретными намерениями и установками, творческим замыслом, мировоззрением поэта, ценностными и другими ориентирами.

Известно, что осмысление религиозных мотивов и образов в поэтическом тексте выявляется с позиций определенного эстетического идеала [9, с. 75]. Однако исчерпывающий анализ поэтического представления религиозной картины мира невозможен без учета множественной антропологической обусловленности изображенного авторской точкой зрения. Если принять во внимание психолого-концептуальное основание в поэтическом представлении автором религиозной картины мира, то имеет смысл говорить об индивидуальных интерпретациях религиозных образов и мотивов в русской поэзии. Рассмотрим особенности индивидуально-авторского воплощения религиозной картины мира в поэзии Д. С. Мережковского на примере представлений о Боге.

Творчество Д. С. Мережковского проходило в атмосфере философско-духовного ренессанса конца XIX – начала XX века. Несмотря на то, что «Мережковский не обладал даром первооткрывателя-любомудра, способностью оригинального мыслителя: он принимал или контаминировал уже сложившиеся концепции» [3, с. 11], всё же его устремления были направлены на то, чтобы рассмотреть основы христианской догматики. Как истинный символист, отвергающий плоское описание, Мережковский стремился «вглубь», к метафизической сущности видимого мира.

Центральным в поэтических текстах Д. С. Мережковского является семантическое поле лексемы «Бог» (далее – СП «Бог»). Это было выявлено на основании анализа частотности употребления лексем с религиозным компонентом значения в поэтических текстах автора: из 119 проанализированных текстов в 75 наличествуют лексемы СП «Бог».

Под СП «Бог» мы понимаем упорядоченное множество единиц с общим значением, которые группируются вокруг ядерной семемы «Бог». СП «Бог» в поэзии Д. С. Мережковского включает всю совокупность эксплицирующих его лексических единиц и словосочетаний, а также микроконтексты, в которых употребляются эти экспликанты.

Ядро СП представлено лексемой «Бог», реализующей архисему «триединое божество, творец и всеобщее мировое начало» [4, с. 52]: «Задумал *Бог* создать какой-то мир огромный...» [2, с. 127-129]; «Затем, что нас

покинул *Бог*: / Отвергнув ангела хранителя...» [Там же, с. 250-251] и т.д. Данная лексема обладает наибольшим объемом значения и реализует всю совокупность признаков, безотносительно какого-либо духовного совершенства Бога [9, с. 74]. Это объясняет высокую частотность данной лексемы в поэзии.

Лексема *боги* с еще более обобщенной семантикой «сверхестественное существо, властвующее в определенной сфере природы и человеческой жизни» [7, с. 62] является также частотной в поэзии Д. С. Мережковского. Языческие боги противопоставлены христианскому единому Богу: «Ныне кругом запустение, ныне царит в Пантеоне / Древнему сонму богов чуждый, неведомый Бог!» [2, с. 178-179]; неверие в языческих богов противопоставлено вере в правду: «Чем меньше верил он в богов, – / Тем больше в правду верил...» [Там же, с. 182-183]. Языческому Риму противопоставлен христианский Рим, но вместе с падением языческого Рима потухла вера в сердца людей, в связи с чем лирический герой взывает к христианскому неведомому *Всевышнему Богу*: «Где ты, неведомый Бог, где ты, о будущий Рим?» [Там же, с. 189]. В стихотворении «Память Святого Констанция» показана борьба с язычеством во имя христианского Бога: «Это праздник всенародный – / В честь языческого бога. / Где же дух Христовой церкви? / Где смиренные молитвы? <...> “Хорошо бы сжечь безумца / На костре во славу Бога!”» [Там же, с. 187-189].

К околядерной зоне СП «Бог» относятся номинации Бога с более конкретным значением, такие как *Христос*, *Господь*, *Спаситель*, *Творец*, *Аллах*, *Будда*. Эти лексемы являются наименованиями Бога, представленными в разных конфессиях. Первые четыре лексемы связаны с христианством: *Христос* – номинация Бога Сына, одной из ипостасей триединого Бога в христианстве; «Сын Божий, сошедший с неба на землю ради искупления людей от первородного греха, принявший страдания и смерть на кресте, воскресший в третий день и вознесшийся на небо, основатель христианства» [7, с. 400]; *Господь* – «Одно из наименований Бога в христианстве» [Там же, с. 114], чаще употребляемое для обозначения ипостаси Бога Отца; *Спаситель* – также номинация Бога Сына, «Бог, Иисус Христос, спасающий душу и тело человека от вечной смерти» [Там же, с. 368]; *Творец* – наименование Бога как «создателя мира» [Там же, с. 379]. *Аллах* и *Будда* – наименования Бога в мусульманстве и буддизме. Эти лексемы имеют среднюю частотность в поэтических текстах Д. С. Мережковского. Их употребление всегда соответствует узальному значению: «И видит вновь, как в день творенья, *Господь*, что все добро зело...» [2, с. 264]; «*Спаситель*, умирая, Молился за тебя...» [Там же, с. 173-176]; «Как будто бы ученика *Христово* И грешника соединил *Господь* В одной любви, в одном луче небесном...» [Там же, с. 192-194]; «И не изменится воля *Творца*...» [Там же, с. 76-77]; «Мы близки к вечному концу, Но не возрощем на *Создателя*...» [Там же, с. 250-251]; «Безмолвно ангелы стояли пред *Аллахом*...» [Там же, с. 127-129]; «Изваянье *Будды* преклонилось Головой венчанной до земли...» [Там же, с. 103-104] и т.п.

Однако в некоторых контекстах происходит замена одной номинации на другую, например, в стихотворении «Аллах и демон», имеющем подзаголовок «Мусульманское предание», сема «Бог» актуализируется лексемами *Аллах*, *Бог*, *Всевышний*, *Всемогущий*, *Господь*, *Повелитель Вселенной* [Там же, с. 127-129]. Возможно, это объясняется идеей «религиозной общности» (Д. С. Мережковский), своего рода религиозного социализма, к которому склонялся Мережковский.

К данному уровню СП «Бог» отнесем протективную *Господи*. В одних контекстах Д. С. Мережковский использует звательную форму, восходящую к старославянскому языку, в других – в функции обращения используется форма именительного падежа – *Господь*. Категория протективности вербально выражается не столько в наличии экспликанта обращения, сколько в наличии просьбы о помощи: «Верю в Тебя, о *Господь*, дай мне отречься от жизни, Дай мне во имя любви вместе с Тобой умереть!...» [Там же, с. 178-179]; «Дай мне силы, *Господь*, моих братьев любить!...» [Там же, с. 130-131] и т.п.

Однако лексема *Господи* (*Господь*) в обращении может и не иметь значения протективности: она может использоваться при восхвалении Господа (например, «Хвала Тебе, *Господи*! Все, что Ты дал, Я принял смиренно, – любил и страдал...» [Там же, с. 273-274]) или даже при выражении упрека в его промыслах (например, «Зачем меня, *Господь*, на подвиг Ты увлек?..» [Там же, с. 143]). В стихотворениях Д. С. Мережковского в покровительстве и защите нуждается и сам Господь; в качестве такой защиты выступает природа: «Преклонилась олива И промолвила она: “Коль, *Господи*, будешь Ты злыми людьми Покинут без пищи – Мой дар Ты прими. Я ветви радушно Тебе протяну И плод золотистый На землю стрягну. Я буду лелеять И влагой питать, И соком янтарным Его наливать”...» [Там же, с. 55-58].

К периферийной зоне отнесены конкретные языковые единицы, называющие ипостаси Бога (*Отец Небесный*, *Дух Божий*); единицы, называющие духовные совершенства или отдельные качества Бога (*Вышние Силы*, *Судия*, *Истина*, *Свет*, *Благой*, *Всевышний*, *Всемогущий*); индивидуально-авторские номинации Бога (*младенец*, *создатель Страшного Суда*, *Первенец Распятый*, *Царь Царей*, *Самодержец мира*, *Страшный Бог*, *Царь миров*). Употребление данных номинаций единично в текстах Д. С. Мережковского.

Словосочетание *Отец Небесный* используется в сугубо религиозном значении, не складывающемся из значений входящих в него лексем. В контексте «*Отец мой Небесный*, Тебя я прославлю...» [Там же, с. 209] репрезентуется одна из ипостасей Бога – Бога-Отца. Другая ипостась Бога – Святой Дух – номинируется словосочетанием *Дух Божий*, в контексте показывающим имманентность Бога, его присутствие в созданном им мире: «*Дух Божий* веет над землею...» [Там же, с. 241]. Божьему Духу в поэзии Д. С. Мережковского противопоставлен *дух-соблазнитель*, олицетворяющий дьявола: «Мы звали духа-соблазнителя, Но нам и дьявол не помог...» [Там же, с. 250-251].

Номинации Бога *Вышние Силы*, *Судия*, *Благой*, *Всевышний*, *Всемогущий* являются сугубо религиозными; они не совпадают по значению с общеязыковыми.

Лексема *младенец* не относится к лексемам, воплощающим религиозную картину мира; в толковых словарях Д. Н. Ушакова [8] и С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [4] она обозначена как поэтоним для наименования «дитя», «ребенка». В стихотворении Д. С. Мережковского «Детям» используется для называния родившегося Иисуса Христа. *Младенец* Мережковского уже наделяется всеми божественными качествами: «Ручки слабые *Младенец* В грозно-сумрачный простор С беспредельною любовью С лона Матери простер. *Все, что борется, страдает, Все, что дышит и живет, Он зовет в Свои объятия, К счастью вечному зовет*» [2, с. 55-58].

В этом же стихотворении Бог-Сын номинирован аппозитивным словосочетанием *Христос-Младенец*: «Ликовала вся природа, Величавая и светлая, И к ногам *Христа-Младенца* Все дары свои несла...» [Там же].

В стихотворении «О, если бы душа полна была любовью...» Д. С. Мережковский наполняет лексему *первенец*, используемую в русском языке для наименования «первого ребенка, старшего из всех детей» [8, с. 668], индивидуальными представлениями. Входя в состав атрибутивного словосочетания *Первенец Распятый*, данная лексема номинирует Иисуса Христа, который по распоряжению Понтия Пилата первым был предан казни через распятие на кресте: «И смертную тоской и ужасом объятый, Как некогда с креста Твой *Первенец Распятый*...» [2, с. 256].

Словосочетания *Царь Царей, Царь миров, Самодержец мира* показывают величие Бога над всем миром и над всеми царями, для чего и используется в контекстах лексема *царь* в переносном значении «...о ком-нибудь, превосходящим всех...» [8, с. 1165]: «Ты в приюте позабытом Вифлиемских пастухов Родился – и наг, и беден, – *Царь бесчисленных миров*...» [2, с. 55-58].

Бог является не только создателем мира, его вседержителем, но и вершителем Страшного Суда, перед которым, согласно Апокалипсису, предстанет все человечество: «Твое упорство вечное в работе, Твой гнев, *создатель Страшного Суда*...» [Там же, с. 278-281]. В связи с этим в стихотворении «Dies Irae» Д. С. Мережковский и в сочетании с лексемой Бог использует прилагательное *страшный*, т.е. «вызывающий, внушающий чувство страха, пугающий» [8, с. 1018] грядущим Страшным Судом: «Люди, опомнитесь! Дети отца, *Страшного Бога* судить вас грядущего, Не отвращайте от Света лица, Я заклинаю вас именем Сушного!...» [2, с. 217].

Подводя итог рассуждениям, отметим, что Д. С. Мережковский, с одной стороны, использует в своих текстах лексемы, вербализующие представления о Боге в русском языке, и воспроизводит общезыковое значение лексем, а с другой – отбирает именно те лексемы, которые наиболее адекватно отражают его собственное представление о Боге, трансформируя значение этих лексем в контексте.

Как чаще всего и бывает в поэзии, а особенно в поэзии символистов, автор не всегда следует богословской традиции в представлении лексемы «Бог» и семантического поля «Бог», поскольку чаще всего вербализация подчинена художественному замыслу, отражающему личные переживания автора.

Список литературы

1. Дубцова Е. К. Образ монаха в произведениях русских писателей-эмигрантов Б. К. Зайцева и И. С. Шмелева // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (2). С. 154-160.
2. Мережковский Д. С. Собрание стихотворений. СПб.: Фолио-Пресс, 2000. 736 с.
3. Михайлов О. Н. От Мережковского до Бродского: Литература Русского зарубежья. М.: Просвещение, 2001. 336 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
5. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8-69.
6. Пыхтина Ю. Г. Модель интертекстуального пространства в художественной литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. 2. С. 167-172.
7. Складневская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель: АСТ, 2008. 480 с.
8. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт [и др.], 2008. 1239 с.
9. Якимов П. А. О сущности понятия «религиозная лексика» в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 11 (130). С. 74-76.

RELIGIOUS WORLDVIEW VS POETICAL WORLDVIEW

Yakimov Petr Anatol'evich, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
pyakimov@mail.ru

The article examines the problem of correlation of the religious and poetical worldviews. Analyzing author's original implementations of the conceptions of God in D. Merezhkovsky's poetry the researcher concludes that it is determined by the specific intentions and purposes, creative intention, poet's worldview, value and other orientations.

Key words and phrases: religious worldview; poetical worldview; author's original conceptions; concept "God"; D. Merezhkovsky's poetry.